

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

© Л. Л. Аюпова, Э. А. Салихова*

*Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*

Тел.: +7 (987) 490 81 25.

Email: ivl334@yandex.ru,

*Уфимский государственный авиационный технический университет
Россия, Республика Башкортостан, 450077 г. Уфа, ул. К. Маркса, 12.*

Тел.: +7 (917) 757 33 48.

Email: salelah12@yandex.ru

Статья посвящена специфике функционирования языков – русского и башкирского как государственных, языков тринадцати компактно проживающих в Республике Башкортостан этносов, русского языка (РЯз) как межнационального средства общения би- и трilingвальных индивидов. Показано влияние экологических тенденций на современные социально-языковые процессы, итогом которого стало возникновение лингвоэкологии (или эколингвистики, языковой экологии). Языковые факты отображают элементы лингвоэкологической культуры полиэтничного Башкортостана и непосредственно связаны с речевым поведением его городских и сельских жителей и уровнем их лингвоэкологического мышления. Велика роль и ценностных ориентаций этнофоров, составляющих языковой портрет социума, особенно билингвистический как уникальный феномен социопсихоллингвистики. Решение вопросов формирования лингвоэкологического мышления носителей двух и более языков имеет в перспективе теоретическое и прикладное значение, поскольку осуществляется в сочетании с социо- и психоллингвистическим описанием речевого поведения билингвов, их языковых предпочтений. Авторы пытались показать актуальность изучения языковых / речевых феноменов, научное определение которых активно обсуждается в социо-, психо-, эколингвистике.

Ключевые слова: *билингвизм, гражданская идентичность, лингвоэкологическая культура, лингвоэкологическое мышление, лингвоэтническая идентичность, этноязыковая стабильность.*

В настоящее время социально-языковые процессы претерпевают сильное влияние экологических тенденций [1, с. 180]. Язык как динамическая система и достаточно гибкая структура способен воспринимать эти влияния и адаптироваться к ним в процессе функционирования. Об особой роли языка в создании новой формы «биохимической энергии», или «энергии человеческой культуры», в своей концепции о ноосфере утверждал и В. И. Вернадский [2], об «экологии культуры» («нравственной экологии») писал Д. С. Лихачев [3, с. 50]. Результатом взаимодействия лингвистических и экологических факторов стало появление лингвоэкологии (эколингвистики), обеспечивающей новое видение и объективное объяснение действия языковых механизмов в процессе совершенствования культуры полилингвального общения в условиях трансформирующегося общества.

Терминологическое обозначение «экология языка» («языковая экология») для интерпретации экологии в лингвистическом контексте был применен в августе 1970 года профессором Эйнарсом Хаугеном в докладе «The Ecology of Language», и позднее в статье с аналогичным названием [4, с. 325]. В теоретических разработках автора язык предстает как часть экосистемы, в которой он формируется и эволюционирует, подобно любому живому орга-

низму, удовлетворяя при этом все потребности своих «пользователей» [4].

В русле заявленной темы целесообразно обратиться и к идеям известного немецкого философа и филолога Вильгельма фон Гумбольдта, который обращается к проблеме разнообразия человеческих языков, связанного с работой «человеческого духа» [5, с. 80], видя в нем огромный потенциал для развития мира идей и силу, пронизывающую всю историю человечества. Он подчеркивает наличие такой важной составляющей во взаимосвязи человека и языка как природа, отмечая, что «весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне» [5, с. 81].

Языковые реалии как компоненты лингвоэкологической культуры полиэтничного Башкортостана определяются речевым поведением его городских и сельских жителей и уровнем их лингвоэкологического мышления. Под последним условимся в рамках авторской социопсихоллингвистической концепции понимать способность би-/полилингва в речевой практике ориентироваться на подлинно нравственные ценности и идеалы, стремиться к знанию языковых / речевых норм, совершенствовать умение адекватно выражать мысль посредством ресурсов разных (двух и более; гомогенных или гетерогенных) языковых систем в зависимости

от коммуникативных условий, следовать правилам речевого этикета с учетом национально-культурного контекста общения. Безусловно, процесс формирования «лингвокультуры речевого общения» (термин [1]) связан с общим развитием «коммуникативной личности», совокупности его языковых и речевых компетенций [6, с. 301–302].

В результате языковых реформ в Республике Башкортостан наблюдается расширение социальных функций государственных языков – русского и башкирского. Из языковой действительности нашей страны явствует, что владение русским языком (РЯз) нерусскими жителями стало массовым. Признание реальности существования двух государственных языков и введение понятия «местного официального языка», к которым причисляются татарский, чувашский, марийский и другие языки, этносы которых компактно проживают в РБ [7, с. 49], не является стремлением «размежевать» башкортостанские народности, а, напротив: с одной стороны, предполагает их поддержку на законодательном уровне; с другой, – снимает элемент морально-психологического дискомфорта. Вполне понятно поэтому и повсеместная распространенность национально-русского двуязычия в республике, в котором функционируют различные типы двуязычия, однако ведущим является все же *национально-русский* (или инофонно-русский) тип билингвизма, к которому прежде всего мы относим и башкирско-/татарско-русское двуязычие (тюркско-русское) [8]. Функционирование этого типа двуязычия находится в непосредственной зависимости от социальных и этнических факторов, к которым относятся общественные функции башкирского и РЯз в республике, этнический состав, роль языка межнационального общения, демографические вопросы и т.д. При этом для всех конфигураций существующих в РБ типов многоязычия, инвариантным показателем следует признавать не только фактор «максимального уровня language loyalty» по отношению к РЯз [9, с. 123, 126] (в узком толковании термина; т.е. со стороны миноритариев), но и фактор этнической самооценки и комфортного самочувствия этноса на данной территории. Толерантное же отношение к неродным языкам со стороны численно или социально доминирующей национальной группы свидетельствует о добрососедских отношениях между этногруппами, населяющими РБ (в широком понимании language loyalty), что является залогом их мирного сосуществования, оказывает всеобъемлющее и решающее воздействие на условия и состояние полилингвизма в республике.

В формировании лингвоэкологического мышления носителей двух и более языков важен учет специфики развития и становления контактного и двустороннего тюркско-русского и русско-тюркского двуязычия. Необходимо различать диахронический и синхронический этапы воздействия этносоциальных факторов [8, с. 100], в числе которых

особое место принадлежит этноязыковой идентификации личности, ее этническому самоопределению. Обозначенные понятия составляют одно из перспективных направлений современной сопоставительной социолингвистики, эколингвистики (лингвоэкологии) с присущим им интегративным характером, что позволяет выделить тенденцию к социопсихолингвистическим разработкам [10].

РБ представляет интерес для исследователей как поликультурное, многонациональное и многоязычное образование, поэтому вопрос полиаспектного анализа контактирующих языков и государственного регулирования их функционирования является архиважным. Внимание к проблемам билингвизма свидетельствует лишь о перспективности исследований в этой области [11, с. 125–126]. К таковым относится и не теряющая своей актуальности на протяжении почти трех столетий проблематика Turco-Slavica вместе с ее доминантной Turco-Rossica, которая наиболее полно раскрывает свою лингвистическую сущность в межъязыковом взаимодействии различных социумов, особенно полиэтничных. Современная республика Башкортостан, будучи таковой, представляет собой в основном гетерогенные в языковом отношении коллективы (социалемы). Активные контакты языковых коллективов России (центра) и Башкортостана (регион) насчитывают около 475 лет, хотя известно и то, что в глубокой древности, еще в 1 тыс. г. н.э. на территории современного Башкортостана мирно сосуществовали тюркские и финно-угорские этносы [12, с. 9].

Разнообразии этнолингвистического ландшафта РБ обусловлено тем, что она является территорией интенсивного взаимодействия славянских, тюркских, финно-угорских и представителей других народов [8; 13]. Национальный состав населения РБ по переписи 2010 г. в численном соотношении можно представить так: при общем населении 4 072 292 человека русские составляют 1 432 906 (36%), башкиры – 1 172 287 (29.5%), татары – 1 009 295 (25.4%), чувашаи – 107 450 (2.7%), марийцы – 103 688 (2.6%), удмурты – 21 477 (0.5%), мордва – 20 300 (0.5%), белорусы – 11 680 (0.3%), украинцы – 39 875 (1%), латыши – 1 117 (0.03%), евреи – 1 900 (0.05%) человек.

Из всего населения РБ, указавшего национальную принадлежность и владение языками, РЯз владеют 3 910.5 тыс. человек более (98%). Из них для 1 918 тыс. человек он является единственным. Из языков народов России наиболее часто указывалось владение татарским (1 063.5 тыс. чел.), башкирским (935.8 тыс. чел.), марийским (81.2 тыс. чел.), чувашским (75.4 тыс. чел.) языками; из иностранных языков – английским (172 тыс. чел.) и немецким (45.3 тыс. чел.). Впервые в ходе переписи населения глухим, глухонемым и слабослышащим гражданам задавался вопрос о владении языком жестов. Владение этим языком указали 4 059 жите-

лей республики. О полиязычности населения РБ говорят такие цифры: почти половина проживающих в республике владеет двумя или более языками, из них 382.5 тыс. человек – тремя и более языками [14, с. 34].

По нашему мнению, выбор того или иного языка в качестве родного может носить для определенной части башкир и татар больше символическое значение, чем функциональное. Это характерно примерно для 1/3 опрошенных башкир и чуть менее половины татар. Ими выбирался родным язык своего народа даже в том случае, если уровень владения им был невысок. Здесь, скорее всего, «этнический» язык имеет ярко выраженное символическое значение, как маркер и показатель этничности индивида. Среди башкир 67% назвали язык своего этноса родным, среди татар – 59.4%. У русских этот показатель равен 92.7%. Мы видим, что выбор родным «этнического» языка в наибольшей степени характерен для русских, затем – башкир и потом уже – татар [15, с. 62].

Сферы коммуникативного использования языков различны, неодинаковы и их статус, социальная и коммуникативная базы их применения: среди 13 языков выделяются 3 с максимальными социальными функциями, но с различным статусом: РЯз как общегосударственный язык РФ и средство межнационального общения, нетитульный в условиях РБ; башкирский язык как язык титульной нации и татарский – язык, на котором говорит около трети населения РБ, нетитульный в условиях РБ, но охватывающий 2/3 территориального распространения РБ; 10 языков с более ограниченными социальными и коммуникативными функциями; 5 языков выполняют узкую учебную функцию иностранных языков.

В современных активно идущих глобализационных и интеграционных процессах наблюдается становление типа языковой личности, способного грамотно и уместно сочетать знания разноструктурных языков в условиях коммуникационной многовекторности на основе родного языка, моделирующей языковую картину мира индивида [16, с. 176]. При этом динамичный характер взаимодействия языков в языковом сознании носителя языков, специфика коммуникативной ситуации могут привести к тому, что определяющим в лингвоментальной картине мира индивида становится не родной, а государствообразующий язык, который в нашей республике совпадает еще и с межнациональным – русским [16, с. 177–178].

Социализация личности, индивида отображается в дихотомии «язык-речь» (компетенция – исполнение). Отечественными учеными была создана трехчленная формула «компетенция – отношение – ориентация», которую вполне можно принять с одним дополнением, касающимся содержания «языковой ориентации». С учетом продолжающихся языковых реформ термин «языковая ориентация»

несет в себе не только «психологическое отношение билингвов к различным языкам» (М. Н. Губогло), что вполне приемлемо и понятно, в современных условиях – это и отношение индивида (монолингва, билингва) или социума к статусу языка или языков, их экстенсивному и интенсивному, реальному и потенциальному функционированию, вопросам языкового строительства, языковым конфликтам и языковой экспансии, проблемам билингвизма и многоязычия [8].

С точки зрения социального конструирования реальности, об идентичности можно говорить только в контексте данного общества. Идентичность представляет собой «феномен, который возникает из диалектической взаимосвязи индивида и общества и осуществляется в ходе социализации личности» [17, с. 19]. В зарубежной социолингвистической литературе обозначается большая или меньшая степень этничности, под которой понимается некоторое отклонение от условного стандарта этнических проявлений – традиций, поведения, привычек, языка. Объем понятия «этничность» традиционно включал происхождение, т.е. этничность «передавалась» от родителей.

Демонингвистические переменные с течением времени вносили порою существенные изменения в понятийную структуру языковой ситуации. Это относится к такому компоненту, как социально-функциональная иерархия языков в обществе и в различных сферах человеческой жизнедеятельности. В работах по данной проблематике представлялась картина языкового состояния, лишь немногие исследователи имели в виду развитие, функционирование языка в разных сферах его применения [18, с. 181–182]. Примордиалистское направление современной социолингвистики отстаивает идею «изначальной» этничности, сущность которой сводится к природному, исконному чувству духовной близости людей (Э. Шилс). Положение об «инструментальной» этничности дало толчок к появлению ситуационистского и конструктивистского подходов, которые объясняли зависимость этнической идентификации от внутренних и внешних социальных обстоятельств, в которых оказывается индивид, для которого этничность – своего рода средство достижения материального преимущества [19, с. 134–135]. Возможно, по этой причине культурная и этническая идентичность в зарубежной социальной психологии, социологии подчас используются взаимозаменяемо, хотя некоторые авторы разграничивают эти понятия. Под «культурной идентичностью» имеются в виду разделяемые ценности, принадлежность к группе, общая история. Под «этнической идентичностью» – прежде всего форму этнического сознания. Она указывает, что этничность – «прежде всего политический вопрос», поскольку культурная и этническая идентичности определяют включенность в социальную структуру [17, с. 78].

Этническая идентичность – составная часть «социальной идентичности личности», психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности. Таким образом, «в личности этническое самосознание связано с этническим самоопределением» [17, с. 74].

Проблемы взаимодействия этносов (наций) и государства являются открытыми до сих пор и часто подвержены идеологизации, а теоретические подходы к описанию социальной реальности настолько зависимы от мировоззренческих позиций авторов, что понимание между представителями разных направлений научной мысли бывает прямо противоположным [11, с. 122]. Тем не менее, интерес языковедов к роли индивидуально-деятельностного начала в рассматриваемых ситуациях свидетельствует о тенденции к гуманизации научного знания как такового.

Для преодоления «кризиса идентичностей» (Э. Х. Эрикссон), отмеченного межнациональными, межкультурными взаимодействиями, «гибридными моделями» и «коммуникативными кодовыми переходами», надо признать в качестве активно влияющих на формирование государственной системы наряду с географическими и иными факторами подсистемы языковые и национальные [20, с. 392]. Отсюда – актуальность обсуждения феномена гражданской идентичности, связанной с осознанием своей принадлежности к государству и зависимой прежде всего от решения этноязыковых проблем.

В этом отношении гражданская идентичность у русских и других народов имеет сходство и отличие. Сходство в том, что и у русских и у башкир, татар, саха (Якутия) их этническая идентичность совмещается с гражданской, но не является основой ее содержательного наполнения. Среди башкир, по данным материалов исследования «20 лет реформ глазами Россиян» и опросам по проекту гражданская идентичность так же, как у русских в республике, широко распространена 89% и 90% соответственно. И этническая идентичность тоже не меньше – 84% и 88% соответственно, но у русских она и государственническая и этническая, а у башкир – доминантно государственно-гражданская [15, с. 8].

Государство, осознавая значимость функционирования языков, формирования лингвоэкологического мышления у носителей языка / языков и понимая ответственность за поддержание этносоциальной стабильности в этой сфере, предпринимает различные меры общественного воздействия. Вопросы функционирования языков регулируются Конституцией и «Законами о языках» в национальных республиках РФ. Существуют и законодательные акты наднационального характера: так, 5 ноября 1992 г. в Страсбурге была принята Европейская хартия. Созданная в республике правовая база регулярно подкрепляется планомерными науч-

ными разработками, программами типа «Возрождение и развитие башкирского языка», «Сохранение, изучение и развитие языков народов РБ на 2012–2016 гг.», «Народы Башкортостана», «Программа по изучению, возрождению и развитию фольклора народов РБ» и мероприятиями разного уровня и статуса – международным семинаром «Европейская Хартия региональных языков и языков национальных меньшинств», проведенным Советом Европы в 2001 г. в Уфе, заседаниями консультативного комитета финно-угорских народов (2005, г. Уфа), отчетом РБ на международной конференции в 2001 г. в Нидерландах и т.п.

С точки зрения вклада в языковое развитие РБ отдельные мероприятия историко-культурных центров как альтернативных учреждений способствуют сохранению этнического, языкового многообразия и воспитанию толерантности. Проведение 1-го, 2-го, 3-го Всемирного Курултаев башкир в 1995, 2002, 2007 гг., 1-го, 2-го съездов татар в 1997, 2003 гг., Конгресса Собора русских Башкортостана (1998 г.), Канаша (съезда) чувашей Башкортостана (1999, 2006 гг.), Съезда Ассамблеи народов Башкортостана (2000 г.), Съездов и конференций украинцев, мари, удмуртов, мордвы, белорусов, поляков, евреев и других народов стали событиями мирового значения [21, с. 156].

Традиционными стали в Уфе – столице Башкортостана – объявляемые властями памятные даты и события (Год русского языка, Год Пушкина, Год литературы. С 26 сентября 2001 г. отмечается Европейский день языков, 25 мая – День филолога) и проводимые Международные фестивали национальных культур «Содружество», Международные фестивали культуры и искусства финно-угорских народов «Самоцветы Прикамья», праздники Тальянки, славянской культуры «Бирские потехи», Всероссийские Фольклориады. Актуальными и востребованными стали Международные конкурсы исполнителей татарской и башкирской песни, Международные конкурсы тюркской молодежи, Межрегиональные праздники частушек и русских песен, Республиканские конкурсы кураистов, кубызистов, думбристов и исполнителей узляу (горловое пение), Республиканские праздники чувашской песни «Шапчак сасси», марийской песни «Чолман йук», удмуртской песни «Жужась кизилиос», Праздники удмуртского творчества, латышский праздник Лиго (Янов день), белорусского праздника Янки Купалы, фестивалей украинской культуры, мордовского праздника «Эрзянь ойме» и мн.др., объединяющие культурные традиции всех народов РБ и дают мощный стимул к сохранению самобытности, фольклора, обычаев, традиций и языка [21, с. 157], а также способствуют формированию лингвоэкологических основ.

Гуманитарным условием региональной этносоциальной стабильности является, к примеру, коллегиальное решение выборных культурных пред-

ставителей всех слоев тюркского и русского суперэтносов о содержании преподавания основ русской и тюркских культур в системе регионального образования. Вопросы совершенствования методики преподавания родных языков, литератур и проблем по их изучению, существующих во всех национальных субъектах, объективно сталкиваются с рядом проблем. Попутно отметим, что в настоящее время в трех субъектах РФ имеются научно-исследовательские и научно-методические институты национального образования – в республике Саха-Якутии, Удмуртии и Башкортостане. Первая проблема заключается в неоднозначном толковании понятия «национальное образование»: в зарубежной практике ему придается то значение, которое в отечественной науке обозначается посредством понятия «федеральное» – т.е. того, что обязательно свойственно федеральному образовательному пространству. Когда мы говорим «национальное образование», то подразумеваем составляющую федерального образовательного пространства, что связано: 1) с трансляцией национальной культуры, формированием национального самосознания молодого поколения; воспроизводством этнически самоидентифицированного типа личности с лингвоэкологическим мышлением; 2) с толерантным отношением и открытостью личности в другие культуры и особенно в культуру народов России в интересах гармонизации национальных отношений; 3) с проблемой поликультурности образования, диктуемой смешанным составом обучающихся значительной части учебных учреждений РБ; 4) с обеспечением потребностей современного цивилизованного развития нации международного стандарта образования [21, с. 127–128].

Лингвоэкологическая тенденция в РБ заключается в признании юридического равноправия за двумя государственными языками, при этом среди башкир и татар представлены лица с двойной этноязыковой идентичностью. В первую очередь, это те, кто выбрал русский язык и язык своего народа одновременно. Это – 18.3% татар и 13.5% башкир. В несколько раз меньше среди них представлены лица, с башкирско-татарской языковой идентичностью – 2.8% башкир и 2.4% татар. Следующую группу респондентов среди татар и башкир представляют лица, назвавшие родным русский язык. При этом татары выбирали этот вариант ответа в два раза чаще, чем башкиры – 13.5 и 6.7% соответственно. Среди респондентов русской национальности выбор нерусских языков в качестве родного представлен крайне незначительно: 2.6% из них выбрали татарский, 1.2% – башкирский. Два языка одновременно – башкирский и русский, татарский и русский выбрали 3.6% респондентов русской национальности [15, с. 63]. Анализ показателя «родной язык», по материалам ВПН-2010, отличается в социально-территориальном разрезе: так, представители сельских нерусских национальностей (баш-

киры и татары) намного сильнее связаны с языком своего этноса и гораздо меньше ориентированы на выбор русского языка или двух языков одновременно в качестве родных. Статистические сведения свидетельствуют о том, что в качестве родного языка выбрали язык своего народа 78.1% сельских башкир и намного меньше городских – 53.5%. Та же картина наблюдается и среди татар – родным назвали татарский язык около 70% селян и 55% горожан [там же].

Наряду с государственными языками в РБ функционируют официальные (русский, башкирский, татарский, чувашский, марийский, удмуртский, мордовский, украинский, белорусский, казахский, немецкий, латышский, эстонский) – национальные языки, которые обладают определенной социальной и коммуникативной базой. На указанных языках издаются газеты, еженедельники, журналы, открыты интернет-сайты культурно-просветительской, научной и политической направленности, ведутся отдельные теле- и радиопередачи, осуществляется филологическое и театральное образование. Некоторые из языков (например, марийский и чувашский) преподаются как языки обучения; удмуртский, немецкий, мордовский, латышский, еврейский, арабский, китайский (последние – в нескольких школах столицы и крупных городах РБ) – как предмет изучения [22, с. 166]. По предварительному мониторингу на 2018–2019 учебный год, в РБ будут изучаться 11 родных языков. Это башкирский, белорусский, латышский, марийский, мордовский, немецкий, русский, татарский, удмуртский, украинский и чувашский языки [23]. Как сообщил Минобразования РБ, общее количество школьников в регионе составляет 468 154 человека.

25 июля 2018 г. Госдума РФ приняла законопроект об изучении родных языков. Он предполагает изучение русского языка как родного. Кроме того, отдельным пунктом написано о «свободном выборе языка образования, изучаемых родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка, государственных языков республик Российской Федерации осуществляется по заявлениям родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся при приеме (переводе) на обучение по образовательным программам дошкольного образования, имеющим государственную аккредитацию образовательным программам начального общего и основного общего образования». В национальных республиках России активисты, выступающие за развитие языков народов федерации, подвергли эти нововведения критике, т.к. по их мнению, этот закон приведет к еще большему уменьшению носителей языков [23].

Научные изыскания в обозначенном направлении имеют прогностическую направленность на практическое осмысление «Концепции национальной политики РФ», основы которой разработаны с

точки зрения становления единой целостной общероссийской гражданской идентичности, предполагающей способность индивида как к осознанию своей принадлежности к государству, так и его умение взаимодействовать, сосуществовать в полиязычном, поликонфессиональном и поликультурном социуме согласно лингвоэкологическим постулатам [11].

На основании данных всероссийских переписей, а также проведенных исследований [9; 15–16; 18–19; 21; 24] и отображаемых в СМИ характеристиках языковой ситуации в современной РБ складывается неоднозначная картина доверия населения республики российским и местным законодательным властям в решении языковых проблем: можно констатировать о ниже среднего уровне воздействия языковой политики государства на процесс экологизации мышления жителей Башкортостана. Важно, что более трети части всего населения республики и большинство жителей-автохтонов поддерживает равноправие языковых меньшинств, связанное с изучением и использованием родных языков. Эти свидетельства показывают, что языковой статус отчасти (преимущественно для представителей т.н. «титальной» нации) играет роль в языковом поведении граждан, проживающих в РБ. В целом данный фактор не влияет на формирование их этноса. Несмотря на приоритетное положение русского языка по отношению к башкирскому и татарскому языкам этносов, количественно преобладающих в республике, у значительной части опрошенных (данные ВПН-2010, а также результаты анкетирования [18–19]) присутствует повышенный интерес к изучению этих национальных языков и владению ими. Об этом свидетельствует также достаточно высокая степень межязыковых коммуникаций. Результаты авторских исследований иллюстрируют тот факт, что под влиянием проводимой государством языковой политики у населения РБ формируется лингвоэкологическое мышление, что подтверждается и этнорегиональной стабильностью в регионе.

Среди российских регионов РБ – одна из наиболее значимых как в геополитическом, так и в культурно-цивилизационном отношении. Рассматривая ее в контексте глобализационных процессов, важно учитывать специфические особенности региона, одной из особенностей которого считается этноразнообразие. Разумеется, смешение и другие формы межэтнического взаимодействия имели место, но, несмотря на это, каждый из этносов сохранил себя, свою идентичность, в т.ч. языковую. Причем на почве таких непростых межэтнических и межязыковых взаимоотношений не происходило каких-либо разрушительных социально-политических потрясений, которые имели место в отдельных регионах РФ [25, с. 68].

Современная эпоха, описываемая социологами, философами, специалистами в области комму-

никаций, историками, лингвистами и пр., как «кризис духовной культуры», должна, по оптимистичным прогнозам социолингвистов [1, с. 181] и культурологов [17; 26] завершиться созданием новой экологической культуры, важнейшим элементом которой, по нашему убеждению, является экологизация всей системы ценностей, включая язык и языковое/речевое поведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валева А. Ф., Бухарева Л. П. Лингвоэкологические тенденции в языковом поведении российских этносов // Успехи современного естествознания. №9. СПб, 2009. С. 180–182.
2. Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Русский космизм: онтология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 303–312.
3. Лихачев Д. С. Экология культуры // Прошлое – будущему: статьи и очерки. Л.: Наука, 1985.
4. Haugen E. I. The Ecology of Language: essays by Einar Haugen. Selected and Introduced by Anwar S. Dill. Stanford, California: Stanford University Press, 1972.
5. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию: пер с нем. / общ. ред. Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 2000.
6. Салихова Э. А., Назарова Л. А., Ситдикова М. Г. Возможности для формирования Homo Loquens в парадигме образовательных компетенций // Концепт. 2013. Вып. 1. 2013. Т. 3. С. 301–305.
7. Аюпова Л. Л., Салихова Э. А. Основы социолингвистики: учеб. пособие. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015.
8. Аюпова Л. Л. Языковая ситуация: социолингвистический аспект. Уфа, 2000.
9. Тимирханов В. Р. О состоянии полилингвизма в Башкирии в свете социальных функций филологии // Российский гуманитарный журнал. Т. 4. №2. 2015. С. 120–126.
10. Бондалетов В. Д., Хроленко А. Т. Теория языка: учеб. пособие. М.: Флинта-Наука, 2004.
11. Аюпова Л. Л., Галимьянова В. Р., Салихова Э. А. Развитие социолингвистики и психолингвистики в Республике Башкортостан: состояние и перспективы // Вопросы филологии. М.: Институт языкознания РАН, 2012. №2(41). С. 122–128.
12. Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этнографический взгляд на историю. М., 1992.
13. Салихова Э. А. Двужычие и триязычие как социопсихолингвистические факторы лингвокультурной интеграции этносов Башкортостана // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. №1(62). С. 52–56.
14. Национальный состав населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.: статистический бюллетень. Уфа: Башкортостанстат, 2012.
15. Социологический ответ на «национальный вопрос»: пример Республики Башкортостан. М.: Институт социологии РАН, 2012. 124 с.
16. Салихова Э. А. Социопсихолингвистический типаж носителя би-/трилингвального кода // Коммуникация. Мышление. Личность: Материалы Международной конференции, посвященной памяти проф. К. Ф. Седова и И. Н. Горелова. Саратов: Саратовск. госуниверситет, 2012. С. 175–180.
17. Смирнова А. Г., Киселев И. Ю. Идентичность в меняющемся мире: учеб. пособие / науч. ред. проф. В. Е. Семенов. Ярославль: Яросл. гос. ун-т., 2002.
18. Искужина Н. Г., Салихова Э. А. Гетерогенное языковое пространство города: специфика речевого контактирования // Филологические науки: Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. №3 (Ч. 2). С. 181–186.
19. Искужина Н. Г., Салихова Э. А. Формирование этнической идентичности: возможности в профилактике деструктивной этнорегиональной маргинальности // Вестник ВЭГУ: Научный журнал. Сер. Гуманитарные науки. №2(70). Уфа: Восточный университет, 2014. С. 133–138.

20. Бахтикиреева У. М., Маркова Е. А. К вопросу о кризисе идентичности // Жизнь языка в культуре и социуме-3. М., 2012. С. 391–392.
21. Искужина Н. Г. Двуязычие в городах Республики Башкортостан: монография. Уфа, 2014
22. Аюпова Л. Л., Салихова Э. А. От жуаля до Баштаруса // Вестник Башкирского государственного университета, 2017. Т. 22. №1. С. 164–169.
23. Уфимский журнал: новости, аналитика, мнения. URL: <http://journalufa.com/24393-rodnoy-yazyk-v-bashkirii-bolshinstvo-vybrali-russkiy.html> (дата обращения 13.09.18).
24. Салихова Э. А. Полимодальная личность билингва: к ее отдельным социолингвистическим характеристикам // Многоязычие и межкультурная коммуникация: Вызовы XXI века, Хорватия: Пула, 2016. №3(1). С. 208–214.
25. Аюпова Л. Л., Салихова Э. А. Региональная этноязыковая стабильность как одна из основ формирования гражданской идентичности // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования. Пенза: Пензенск госуниверситет, 2016. С. 63–68.
26. Словарь социолингвистических терминов / под ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2006.

Поступила в редакцию 17.09.2018 г.

FORMATION OF LINGVOECONOMICS THINKING AS ONE OF BASES OF THE REGIONAL ETHNO-LINGUISTIC STABILITY

© L. L. Ayupova¹, E. A. Salikhova^{2*}

¹*Bashkir State University
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

²*Ufa State Aviation Technical University
12 Karl Marx Street, 450077 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Phone: +7 (917) 757 33 48.

*Email: salelah12@yandex.ru

The article is devoted to the specifics of the functioning of the Russian and Bashkir languages as the state languages, as well as the languages of thirteen ethnic groups living compactly in the Republic of Bashkortostan, the Russian language as an interethnic means of communication of bi- and trilingual individuals. The authors of the article considered the effect of environmental trends on the contemporary socio-linguistic processes, which resulted in the emergence of linguistic ecology (or ecolinguistics, language of ecology). Language facts reflect the elements of linguistic and ecological culture of multiethnic Bashkortostan; they are directly related to the speech behavior of the urban and rural residents and to the level of their linguistic and ecological thinking. The significance of value orientations of national culture is also very high. Particular representatives of national culture contribute to linguistic portrait of the society, especially its bilingual portrait as unique phenomenon of sociolinguistics. The solution of questions of formation of linguoecological thinking of native speakers of two or more languages has a theoretical and applied value in the long term, as it is carried out in combination with socio- and psycholinguistic description of bilingual speech behavior and language preferences of the bilinguals. The authors tried to show the relevance of the study of language/speech phenomena, the scientific definition of which is actively discussed in socio-, psycho-, and ecolinguistics.

Keywords: bilingualism, civil identity, linguoecological culture, linguoecological thinking, linguoethnic identity, ethno-linguistic stability.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Valeeva A. F., Bukhareva L. P. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*. No. 9. Saint Petersburg, 2009. Pp. 180–182.
2. Vernadskii V. I. *Russkii kosmizm: ontologiya filosofskoi mysli*. Moscow: Pedagogika-Press, 1993. Pp. 303–312.
3. Likhachev D. S. *Proshloe – budushchemu: stat'i i ocherki*. Leningrad: Nauka, 1985.
4. Haugen E. I. *The Ecology of Language: essays by Einar Haugen*. Selected and Introduced by Anwar S. Dill. Stanford, California: Stanford University Press, 1972.
5. Humboldt W. *fon Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu: per s nem. [Selected works on linguistics]. / obshch. red. G. V. Ramishvili*. Moscow: Progress, 2000.
6. Salikhova E. A., Nazarova L. A., Sitdikova M. G. *Kontsept*. 2013. No. 1. 2013. Vol. 3. Pp. 301–305.
7. Ayupova L. L., Salikhova E. A. *Osnovy sotsiolingvistiki: ucheb. posobie [Basics of sociolinguistics: textbook]*. Ufa: RITs BashGU, 2015.
8. Ayupova L. L. *Yazykovaya situatsiya: sotsiolingvisticheskiy aspekt [Linguistic situation: sociolinguistic aspect]*. Ufa, 2000.
9. Timirkhanov V. R. *Liberal Arts in Russia*. Vol. 4. No. 2. 2015. Pp. 120–126.
10. Bondaletov V. D., Khrolenko A. T. *Teoriya yazyka: ucheb. posobie [Theory of language: textbook]*. Moscow: Flinta-Nauka, 2004.
11. Ayupova L. L., Galim'yanova V. R., Salikhova E. A. *Voprosy filologii*. Moscow: Institut yazykoznaniiya RAN, 2012. No. 2(41). Pp. 122–128.
12. Kuzeev R. G. *Narody Srednego Povolzh'ya i Yuzhnogo Urala. Etnograficheskiy vzglyad na istoriyu [The peoples of the Middle Volga and South Urals. Ethnographic view on history]*. Moscow, 1992.
13. Salikhova E. A. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. No. 1(62). Pp. 52–56.
14. *Natsional'nyi sostav naseleniya Respubliki Bashkortostan po dannym Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 g.: statisticheskiy byulleten' [National composition of the population of the Republic of Bashkortostan according to the data of the All-Russian population census 2010: statistical bulletin]*. Ufa: Bashkortostanstat, 2012.
15. *Sotsiologicheskii otvet na «natsional'nyi vopros»: primer Respubliki Bashkortostan [Sociological answer to the “national question”: the example of the Republic of Bashkortostan]*. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2012.
16. Salikhova E. A. *Kommunikatsiya. Myshlenie. Lichnost': Materialy Mezhdunarodnoi konf-tsii, posvyashchennoi pamyati prof. K. F. Sedova i I. N. Gorelova*. Saratov: Saratovsk. gosuniversitet, 2012. Pp. 175–180.

17. Smirnova A. G., Kiselev I. Yu. Identichnost' v menyayushchemsya mire: ucheb. posobie [Identity in the changing world: textbook] / nauch. red. prof. V. E. Semenov. Yaroslavl': Yarosl. gos. un-t., 2002.
18. Iskuzhina N. G., Salikhova E. A. Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2013. No. 3 (Pt. 2). Pp. 181–186.
19. Iskuzhina N. G., Salikhova E. A. Vestnik VEGU: Nauchnyi zhurnal. Ser. Gumanitarnye nauki. No. 2(70). Ufa: Vostochnyi universitet, 2014. Pp. 133–138.
20. Bakhtikireeva U. M., Markova E. A. Zhizn' yazyka v kul'ture i sotsiume-3. Moscow, 2012. Pp. 391–392.
21. Iskuzhina N. G. Dvuyazychie v gorodakh Respubliki Bashkortostan: monografiya [Bilingualism in cities and towns of the Republic of Bashkortostan: monograph]. Ufa, 2014
22. Ayupova L. L., Salikhova E. A. Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta, 2017. Vol. 22. No. 1. Pp. 164–169.
23. Ufimskii zhurnal: novosti, analitika, mneniya. URL: <http://journalufa.com/24393-rodnoy-yazyk-v-bashkirii-bolshinstvo-vybrali-russkiy.html> (data obrashcheniya 13.09.18).
24. Salikhova E. A. Mnogoyazychie i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: Vyzovy XXI veka, Khorvatiya: Pula, 2016. No. 3(1). Pp. 208–214.
25. Ayupova L. L., Salikhova E. A. Yazykovaya politika i voprosy gumanitarnogo obrazovaniya. Penza: Penzensk gosuniversitet, 2016. Pp. 63–68.
26. Slovar' sotsiolingvistichekikh terminov [Dictionary of sociolinguistic terms]. Ed. V. Yu. Mikhal'chenko. Moscow: Institut yazykozna-niya RAN, 2006.

Received 17.09.2018.